

DOI: 10.22363/2313-0660-2026-26-2-340-351

EDN: HEUYZG

Научная статья / Research article

Воздействие «мягкой силы» Китая на сознание русской студенческой молодежи

А.А. Гребенюк¹, А.М. Кумуков²✉¹Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация²Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь, Российская Федерация✉ almkumukov@ncfu.ru

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена интенсификацией двусторонних отношений между Китайской Народной Республикой (КНР) и Российской Федерацией, основанных не только на тесных политических и экономических связях, но и на развитии и углублении гуманитарных контактов. КНР позиционирует себя как государство, «презентующее» собственную модель развития государства-цивилизации, которое существует уже шестое тысячелетие. Исторический период, когда Китай находился в числе догоняющих государств, преодолен, и КНР с полным основанием может считаться глобальной державой. Достигнув экономических успехов и продолжая реализовывать глобальный проект «Один пояс, один путь», руководство КНР уделяет значительное внимание формированию положительного имиджа страны в государствах, с которыми Пекин заинтересован сотрудничать. В это число входит Россия как глобальная держава, противостоящая неокOLONиальным сценариям развития мира, предлагаемым коллективным Западом. Исследование опыта Китая в оформлении политики «мягкой силы» представляет особый интерес, поскольку позволяет рассмотреть специфику национального контекста и значение этой политики для реализации глобальных, региональных и национальных внешнеполитических целей. Цель исследования — показать эффективность инструментов «мягкой силы», применяемых КНР в России. В основу исследования положен подход к имиджеобразованию как процессу формирования общественного мнения целевой группы, а основным методом исследования был выбран социологический анализ. Опираясь на изучение исследовательского опыта в определении «мягкой силы», авторами были выделены факторы, ставшие базовыми для представления имиджа Китая в российской молодежной среде: государственное управление, культура, наука и образование, бизнес, спорт, экология и цифровые технологии. Основной целевой группой, участвующей в социологическом опросе, стала студенческая аудитория российских вузов в возрасте от 17 до 29 лет. По итогам исследования авторами был сделан вывод о сформировавшемся положительном имидже Китая в среде российской студенческой молодежи. По мнению опрошенных, высокого уровня влияния на международную арену Китай достиг благодаря эффективному государственному управлению и технологическим достижениям, основанным на практикоориентированной системе образования.

Ключевые слова: имидж государства, Россия, инструменты мягкой силы, дискурсивная сила, российская молодежь, социологический анализ, государственное управление, образование и наука, цифровые технологии

Заявление о доступности данных. Все данные, полученные в ходе этого исследования, включены в опубликованную статью.

Вклад авторов. Гребенюк А.А.: концептуализация, разработка методологии исследования, работа с программным обеспечением, подготовка рукописи к публикации Кумуков А.М.: обработка эмпирических данных, подготовка черновика рукописи. Оба автора ознакомлены с окончательной версией статьи и одобрили ее.

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© Гребенюк А.А., Кумуков А.М., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования: Гребенюк А. А., Кумуков А. М. Воздействие «мягкой силы» Китая на сознание российской студенческой молодежи // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2026. Т. 26, № 2. С. 340–351. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2026-26-2-340-351>; EDN: HEUYZG

The Impact of China's "Soft Power" on the Consciousness of Russian Student Youth

Aleksander A. Grebenyuk¹ , Albert M. Kumukov²

¹Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

²North-Caucasus Federal University (SCFU) Stavropol, Russian Federation

 almkumukov@ncfu.ru

Abstract. The rationale for this article can be explained through the intensification of bilateral relations between China and Russia, which rely not only on close political and economic ties, but also on the development and enhancement of humanitarian contacts. The People's Republic of China (PRC) positions itself as a state offering its own development model for the civilization-state, which has existed for over five millennia now. The period when China was among states striving to catch up has been left behind, so now it has every reason to be recognized as a global power. Having achieved economic success and going on with the "Belt and Road" global initiative, the Chinese leadership pays considerable attention to shaping a positive image of China in the countries Beijing is seeking to cooperate with. One of such countries is Russia, standing as a global power that opposes the neocolonial models of world development promoted by the collective West. The study of China's experience in implementing soft power methods is of particular interest since it allows considering the specific features of its national context, as well as its significance in pursuing goals related to global, regional and national foreign policy. The aim of this study is to reveal the effectiveness of soft power tools that the PRC is applying in Russia. The study is based on an approach to image building, which implies viewing it as a process of shaping the target group's opinion, whereas the main method employed within the research was sociological analysis. The authors, while relying on the research experience in defining "soft power," were able to identify the factors that are essential for presenting China's image among the Russian youth: public administration, culture, science and education, business, sports, environment, and digital technologies. The main target group involved in the sociological survey were students of Russian universities falling within the age group of 17–29. The authors employ the study outcomes to conclude that China has created a positive image among the Russian student youth. As reported by the respondents, the high level of influence that China has achieved in the international arena is due to its effective public management and technological advancements, which, are, in turn, based on an education system with a special focus on developing practical skills.

Key words: state image, Russia, soft power tools, discursive power, Russian youth, sociological analysis, public administration, education and science, digital technologies

Data availability statement. All data obtained during this study are included in the published article.

Authors' contributions. A.A. Grebenyuk: conceptualization, development of research methodology, work with software, preparation of the manuscript for publication. A.M. Kumukov: processing empirical data, preparation of a draft manuscript. Both authors have read the final version of the article and approved it.

Conflicts of interest. The authors declare no conflicts of interest.

For citation: Grebenyuk, A. A., & Kumukov, A. M. (2026). The impact of China's "soft power" on the consciousness of Russian student youth. *Vestnik RUDN. International Relations*, 26(2), 340–351. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2026-26-2-340-351>; EDN: HEUYZG

Введение

В условиях доминирования информации в постиндустриальном обществе «мягкая сила» становится одним из центральных понятий социально-политической реальности. Современ-

ное научное знание определяет «мягкую силу» как «непрямой» способ осуществления власти (Нье, 2002, р. 8), инструмент вовлечения стран в определенную внешнеполитическую повестку. Это достигается посредством использования имиджевой стратегии (Филимонов, 2012)

конструирования привлекательного образа государства — лидера мирового развития (субъекта «мягкой силы») (Гребенюк, 2022, с. 28; Соболева, Кривохиж, 2024, с. 122–124).

Вместе с тем потенциал «мягкой силы» значительно шире внешнеполитической повестки. Важной особенностью этой социальной технологии является возможность изменения общественных норм и социальных установок, формирования у населения стран — объектов воздействия «образа желаемого завтра», который будет основан на ценностях, социокультурных и политических практиках, а также социально-экономических особенностях развития государства-субъекта.

Китайская Народная Республика (КНР), став одним из ведущих акторов глобальных процессов, уделяет значительное внимание продвижению национальной «мягкой силы» в различных регионах мира. Для китайской политической мысли понятие «мягкой силы» не является универсальным. Можно выделить два подхода включения концепции «мягкой силы» во внешнеполитическую практику.

Первый, сформулированный Ван Синьяном, председателем Народного политического консультативного совета Китая, исходит из того, что в основе «мягкого» влияния Китая лежит китайская культура и китайский язык. Его продолжением в несколько измененном виде можно считать концепцию «Культура +», которую описали многие китайские исследователи, в частности Хуан Жуй и Ван Хунцян (Huang & Wang, 2025).

Второй подход, описанный Янь Сюэтуном, определяет китайскую культуру как один из компонентов наряду с военной, экономической и политической силой, составляющих государственную мощь государства и определяющих его имидж на международной арене (Yan, 2011).

Тем не менее китайская модель «мягкого» внешнеполитического воздействия была «догоняющей», основанной на апробированных западных практиках, представляющих, по словам И.Е. Денисова и И.Ю. Зуенко, инструментарий, состоящий из распространения китайского языка и китайской культуры, китайского

образования, развития туристической индустрии и т. п. (Денисов, Зуенко, 2022, с. 8–9.). Действия Пекина зачастую представляли собой прямую кальку с западных моделей и оказывали не всегда положительное действие. Достаточно отметить возникший феномен синофобии, зафиксированный в государствах Центральной Азии, где Китай особенно активно проявлял себя в 2010-х гг. (Зуенко и др., 2020).

К началу 2020-х гг. китайское руководство пришло к выводу, что применяемые Китаем инструменты «мягкой силы» не являются эффективными (Денисов, Зуенко, 2022, с. 10–11). На смену «культурной мягкой силе», основанной на знакомстве мира с достижениями великой китайской цивилизации, пришла «дискурсивная сила», цель которой — создать новые институциональные инструменты управления внешней средой, в которой Китай действует как растущая держава (Денисов, Зуенко, 2022).

Переход в политике Китая к практике дискурсивной силы заметен в Белой книге о сотрудничестве Китая в области международного развития в новую эпоху (январь 2021 г.) и в Белой книге «Совместное строительство „Одного пояса, одного пути“: важная практика формирования сообщества единой судьбы человечества» (сентябрь 2023 г.)¹. В китайском исследовательском нарративе (несмотря на частные уточнения трактовок) выработалось представление о «дискурсивной силе» как о возможности суверенного государства внедрять в международное сообщество — посредством официальной дипломатии, СМИ, неправитель-

¹ См.: Gongjian “Yidai Yilu”: Goujian Renlei Mingyun Gongtongti de Zhongda Shijian Baipishu (Quanwen) [Белая книга: Совместное построение инициативы «Один пояс, один путь»: важная практика в построении сообщества с общим будущим для человечества (полный текст)] // Информационное бюро Государственного совета Китайской Народной Республики. 10.10.2023. (На китайском языке). URL: http://www.scio.gov.cn/zfbps/zfbps_2279/202310/t20231010_773682.html (accessed: 08.12.2024); Xin shidai de Zhongguo Guoji Fazhan Hezuo Baipishu (Quanwen) [Белая книга о международном сотрудничестве Китая в области развития в новую эпоху (полный текст)] // Информационное бюро Государственного совета Китайской Народной Республики. 10.01.2021. (На китайском языке). URL: http://www.scio.gov.cn/zfbps/ndhf/2021n_2242/202207/t20220704_130669.html (accessed: 22.11.2024).

ственных обменов и прочих каналов — дискурс, содержащий определенные культурные концепции, ценности, идеологические установки таким образом, чтобы другие страны добровольно их принимали и соглашались с ними (Лексютина, Ю, 2023, с. 372). Отдельные китайские исследователи, в частности Жуань Цзяньпин, определяет дискурсивную силу как сочетание материальной мощи государства и культурную идентичность и называет ее «культурным империализмом» (Ruan, 2003). Такие авторы, как Хан Пугэн, Ли Чаосян, Сюй Сюцзюнь, видят в дискурсивной силе возможность властных органов транслировать культурные ценности в качестве базовых принципов политики государства (Li & Han, 2019; Xu & Tian, 2019).

Особенностью данного исследования является не столько изучение отдельных характеристик или направлений развития «мягкой силы» Китая, сколько анализ ее воздействия на население России, а именно на российскую молодежь при помощи инструментария эмпирической социологии.

Обзор литературы

Современные исследования «мягкой силы» сосредоточены на четырех направлениях.

Первое посвящено анализу сущности, характеристик и особенностей непосредственно «мягкой силы», которая рассматривается как социально-политическое явление, бренд, свойство или способность государства влиять как на глобальные политические процессы, так и на внутриполитические процессы в других странах (Lukes, 1974, p. 24; Nye, 2004b; Паршин, 2013; Леонова, 2013, с. 29–32). Большое внимание в данном подходе уделяется изучению совокупности внутренних ресурсов государства, так называемой ресурсной базы «мягкой силы».

В рамках *второго направления* разрабатываются методики оценки потенциала, влияния «мягкой силы», в соответствии с которым происходит рейтингование стран. К наиболее значимым исследованиям здесь следует отнести рейтинг *The Soft Power 30*, до 2019 г.

выпускавшийся консалтинговой компанией *Portland* совместно с американским Центром общественной дипломатии (*USC Centre of Public Diplomacy*)², Глобальный рейтинг «мягкой силы» (*Global Soft Power Index*) исследовательского центра *Brand Finance*³ и Рейтинг национальных брендов (*Country Brand Ranking*) консалтинговой компании *Bloom Consulting*⁴.

Третье направление сосредоточено на изучении сущностных характеристик, а также особенностей регионального распространения «мягкой силы» конкретных государств: США (Nye, 2004a), Великобритании (Харитонова, 2017), Турции (Benhaim & Öktem, 2015), Японии (Катасонова, 2017), Франции (Gomelaury, 2021), Республики Корея (Matosian, 2021), Испании (Борзова, Николашвили, 2020), Португалии (Борзова, Николашвили, 2021) и др.

В рамках третьего направления анализу различных аспектов «мягкой силы» Китая посвящено значительное количество работ как в российской, так и зарубежной политической науке. По данным наукометрического портала *eLibrary*, только за последние 10 лет по этому вопросу вышло более 160 публикаций — статей в научных рецензируемых журналах и монографий⁵.

Настоящее исследование следует отнести к *четвертому направлению*, в рамках которого «мягкая сила» рассматривается как **технология** влияния на политические процессы на глобальном уровне, использующая «несиловые» инструменты воздействия и имеющая четкие механизмы и алгоритмы реализации (Гребенюк, 2022; Филимонов, 2012; Русакова, 2010). Одной из исследовательских задач данного на-

² McClory J. The Soft Power 30 Report 2019 // Portland Communications. URL: <https://portland-communications.com/wp-content/uploads/2024/10/The-Soft-Power-30-Report-2019-1.pdf> (accessed: 11.12.2024).

³ Global Soft Power Index 2024 // Brand Finance. URL: <https://static.brandirectory.com/reports/brand-finance-soft-power-index-2024-digital.pdf> (accessed: 26.12.2024).

⁴ Bloom Consulting Country Brand Ranking // Bloom Consulting. URL: <https://www.bloom-consulting.com/en/country-brand-ranking> (accessed: 26.12.2024).

⁵ Рассчитано авторами по данным *eLibrary*. См.: <https://elibrary.ru/defaultx.asp> (дата обращения: 17.02.2025).

правления является разработка систем показателей и измерение непосредственного воздействия социальной технологии «мягкая сила» на различные социальные группы населения зарубежных стран. В современном политологическом знании это направление недостаточно развито, что обуславливает актуальность представленной работы.

Главной целью исследования стал сбор и анализ социологических данных о субъективном образе иностранных государств у российской студенческой молодежи для определения характера воздействия на нее технологии «мягкой силы» зарубежных стран.

Для достижения поставленной цели влияние «мягкой силы» иностранных государств анализировалось через сферы культуры и искусства, государственного управления, науки и образования, бизнеса, спорта, защиты окружающей среды и цифровых технологий. Эти сферы соответствуют методикам и индикаторам анализа «мягкой силы», апробированным в ведущих научных исследованиях и международных рейтингах, в том числе *Global Soft Power Index*, *Elcano Soft Presence Rating*, *The Soft Power 30*, *The New Persuaders* и др. Полученные данные позволили определить тенденции и ряд особенностей влияния «мягкой силы» Китая на российскую молодежь.

Материалы и методы

В 2021–2023 гг. в рамках трех волн исследования⁶ группой ученых Высшей школы современных социальных наук МГУ имени М.В. Ломоносова и Центра профилактики религиозного и этнического экстремизма Московского педагогического государственного университета было проведено изучение влияния «мягкой силы» иностранных государств на молодежь Российской Федерации на основе всероссийского социологического опроса. Полевая часть исследования была выполнена исследовательским холдингом «Ромир», специа-

листами которого в 2023 г. были опрошены студенты (мужчины и женщины в возрасте 17–29 лет), обучающиеся в российских вузах. Общее количество опрошенных составило 630 респондентов. В выборку было включено 60 вузов, подотчетных Министерству образования и науки РФ и 12 вузов, подотчетных Министерству просвещения РФ. В каждом вузе было опрошено не менее 10 и не более 40 студентов. В выборку вошли факультеты различных направлений (гуманитарные, технические и др.).

Инструментарий исследования представляет собой анкету, которая состоит из трех основных частей: скрининговая (отборочная) часть, основная часть (вопросы по задачам исследования), а также социально-демографический блок. Для сбора данных исследования использовался метод «снежного кома» (после рекрутинга респонденты получали ссылку на анкету, размещенную в сети Интернет, и самостоятельно отвечали на вопросы). Средняя продолжительность прохождения анкетирования составила около 10 минут. Респондентам в рамках ответа на открытые вопросы анкеты предлагалось указать государства (не более пяти вариантов), которые они считают лидерами по различным направлениям политического, социально-экономического и технологического развития.

Главной задачей эмпирического исследования являлось получение социологических данных от респондентов, которые, с одной стороны, не являются экспертами в области международных отношений, мировой экономики, технологического развития и т. д., а с другой — могут иметь свое субъективное представление о зарубежном государстве на основе потребляемой информации. В этой связи нас интересовали не соответствие получаемых от опрашиваемых данных реальному положению дел, а тот виртуальный образ зарубежных стран, сконструированный у респондентов на основе влияния «мягкой силы» этих стран через потребление различного информационного контента из различных источников (классических СМИ, социальных сетей, кинематографа, литературы и т. д.).

⁶ О первой (2021 г.) и второй (2022 г.) волнах исследования подробнее см.: (Гребенюк, 2022).

В рамках социологического исследования ставилась задача получения данных по воздействию «мягкой силы» целого ряда стран. Помимо Китая были получены данные о воздействии «мягкой силы» США, Великобритании, Франции, Германии, Японии и т. д. В этой связи вопросы непосредственно о знании китайского языка и о посещении самого Китая в анкету не вошли (Гребенюк, 2022).

Результаты исследования

Данные, полученные в ходе опроса в 2023 г., отчетливо демонстрируют тенденцию усиления влияния «мягкой силы» Китая на российскую молодежь. По подавляющему количеству показателей (10 из 12) значения КНР находятся в первой тройке ответов респондентов (табл. 1).

По мнению опрошенной молодежи, Китай входит в тройку наиболее влиятельных стран, вносящих весомый вклад в развитие глобальных процессов. По этому показателю он уступает только России (91 %, 1-е место), опережая Соединенные Штаты Америки (64 %), Германию (39 %), Японию (31 %), Великобританию (27 %), Индию (13 %), Францию (13 %), Беларусь и Турцию (по 8 %). Также Китай является одним из лидеров с точки зрения наилучшей системы государственного управления — 30 % (2-е место).

Несмотря на широкомасштабную кампанию в мировых СМИ по созданию негативного образа КНР в сфере защиты прав человека, рос-

сийские респонденты (19 %, 2-е место) выделили Китай среди государств, где эта сфера наиболее развита. Среди зарубежных стран Китай уступил только Швеции и опередил США. По показателю «Судебная система» Китай занял 4-е место, его указали 19 % респондентов.

Также можно отметить позитивный образ Китая в сфере науки и образования. КНР заняла 3-е место (49 %) по показателю «Наука и организация научных исследований», 2-е место (27 %) по показателю «Школьное образование» и 2-е место (47 %) по показателю «Высшее образование».

Экономическое и технологическое развитие Китая также нашло отражение в ответах респондентов. Так, Китай занял 1-е место (58 %) среди стран, в которых наиболее развиты цифровые технологии, и 2-е место (26 %) по показателю «наилучшие условия для открытия и ведения бизнеса». Вместе с тем показательно, что среди названных респондентами «самых известных в мире успешных бизнесменов» и «самых известных в мире IT-предпринимателей, владельцев крупных бизнесов в сфере цифровых технологий» не оказалось представителей КНР.

Наиболее проблемным аспектом китайской «мягкой силы» является показатель «Экология» (12 %, 9-е место). Респонденты не относят КНР к числу государств, в которых наилучшим образом защищается окружающая среда и уделяется необходимое внимание экологическим проблемам.

Таблица 1. Ключевые параметры влияния Китая в мире по мнению респондентов, опрошенных в 2023 г.

№ п/п	Параметр	Доля респондентов, %	Место среди предложенных стран
1	Глобальные процессы	77	2
2	Система государственного управления	30	2
3	Права человека	19	3
4	Судебная система	19	4
5	Наука и организация научных исследований	49	3
6	Школьное образование	27	2
7	Высшее образование	47	2
8	Открытие бизнеса	26	2
9	Экология	12	9
10	Цифровые технологии	58	1

Источник: составлено А.А. Гребенюком.

Также в ходе анкетирования респондентов просили перечислить любимых музыкальных исполнителей и кинофильмы, которые произвели глубокое впечатление. Среди ответов не фигурировал ни один китайский медийный продукт. Помимо этого, российские студенты не указывали КНР среди стран, в которые они хотели бы переехать для постоянного проживания или в которых они хотели бы, чтобы жили их дети.

За исследуемый период (2021–2023 гг.) показатели воздействия социальной технологии «мягкая сила» Китая на российскую молодежь демонстрируют устойчивую тенденцию к росту. По всем выделенным параметрам исследования отмечается положительная динамика (табл. 2).

Можно предположить, что поддержка китайскими властями российской позиции на мировой арене, постоянный обмен визитами глав государств и правительственных организаций, выход на российский и мировой рынок современных китайских технологических и автомобильных компаний и другие факторы оказали значительный имиджевый эффект, что нашло свое отражение в ответах информантов. Вместе с тем данное утверждение требует дополнительной эмпирической проверки, в том числе в части определения дополнительных факторов, детерминирующих рост показателей Китая (таких как, например, влияние российского «инфополя»).

Единственным направлением, по которому отмечается падение показателей КНР, является оценка системы государственного управления (–4 %). Также в ходе замера 2021 г. Китай не попал в топ-10 рейтинга по показателю защи-

ты прав человека, при этом в исследовании 2023 г. 19 % респондентов назвали его лидером по этому направлению.

Наибольшая положительная динамика по итогам рассматриваемого периода наблюдается в ответах респондентов о высшем образовании в Китае. Доля считающих, что страна является мировым лидером в данном направлении, увеличилась с 19 % в 2021 г. до 47 % в 2023 г.

Согласно данным опросов 2022 и 2023 гг., наибольшая доля респондентов считает Китай страной — лидером в сфере цифровых технологий (табл. 1). При этом показатели остальных стран, находившихся в топ-10 за период 2021–2023 гг., заметно снизились: США — на 12 %, Германии и Великобритании — на 6 %, Франция же практически перестала ассоциироваться у российской молодежи с лидерством в цифровой сфере (табл. 3).

Важно отметить, что усиление влияния «мягкой силы» Китая на российскую молодежь происходит одновременно с ослаблением этого влияния со стороны стран — лидеров западного мира (США, Великобритании, Германии и Франции). В этой связи интересным с позиции данного исследования является сравнение динамики показателей США и Китая, особенно в вопросах лидерства в сфере влияния на глобальные процессы (рис. 1). По такому важному показателю, как «страна, которая вносит наиболее весомый вклад в развитие глобальных процессов», в последнее время Китай стал значительно опережать США. Доля респондентов, указавших КНР, на 13 % больше, чем доля тех, кто указал Соединенные Штаты Америки.

Таблица 2. Динамика показателей Китая в волнах исследования, проводимых в 2021–2023 гг., % опрошенных

Параметр	Год			Разность показателей 2023 и 2021 гг.
	2021	2022	2023	
Глобальные процессы	73	77	77	+4
Система государственного управления	32	29	30	–2
Права человека	0	14	19	+5
Судебная система	18	19	19	+1
Наука и организация научных исследований	48	47	49	+1
Школьное образование	22	21	27	+5
Высшее образование	19	16	47	+28
Открытие бизнеса	19	23	26	+7
Экология	8	0	12	+4
Цифровые технологии	52	58	58	+6

Источник: составлено А.А. Гребенюком.

Таблица 3. Страны-лидеры в сфере развития цифровых технологий по мнению респондентов в 2021–2023 гг., % опрошенных

Страна	2021	2022	2023
США	68	55	56
Китай	52	58	58
Германия	17	13	11
Великобритания	12	6	6
Франция	4	—	—

Источник: составлено А.А. Гребенюком.

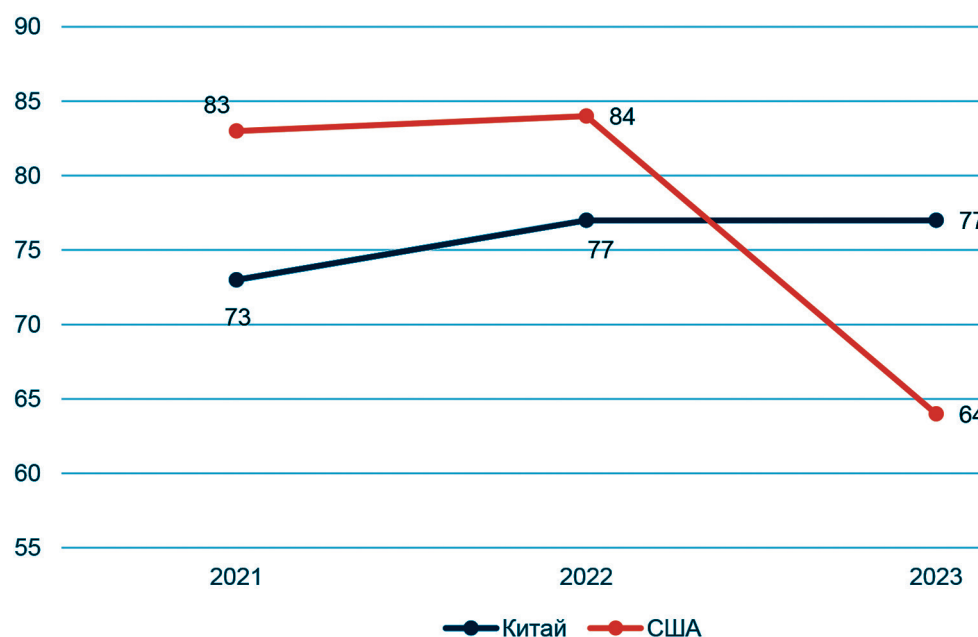

Рис. 1. Доля респондентов, отметивших влияние США и КНР на глобальные процессы в 2021–2023 гг., %

Источник: составлено А.А. Гребенюком.

В ходе проведения исследования выдвигалась гипотеза, что в Дальневосточном и Сибирском федеральных округах РФ доля респондентов, которые будут указывать Китай в качестве страны-лидера в различных сферах, будет выше, чем в остальных федеральных округах и в целом по России ввиду географической близости. Данные замера 2023 г. эту зависимость в целом опровергают. Она оказалась справедлива исключительно для показателя «страна-лидер, вносящая вклад в развитие глобальных процессов».

Также следует отметить большой потенциал дальнейшего увеличения эффективности воздействия «мягкой силы». Текущие показатели могут быть значительно увеличены при дальнейшем продвижении концепта открытия и развития бизнеса. Как показывают наши трехлетние замеры, Китай практически не продвигает имена своих бизнесменов, в том числе

в IT-сфере. Российские студенты не осведомлены об успешных китайцах — владельцах крупного бизнеса. В топ-10 они отсутствуют, несмотря на наличие большого количества успешных высокотехнологичных проектов из Поднебесной.

Помимо этого, в недостаточной мере развивается информационное сопровождение китайской экологической повестки. В 2022 г. Китай даже не попал в топ-10 стран нашего исследования по данному направлению. Также в сфере спорта практически отсутствуют китайские паттерны: в топ-10 нет ни одного китайского спортсмена, слабо представлены крупные международные соревнования. Например, зимнюю Олимпиаду 2022 г. указали только 2 % респондентов. Активизация работы по увеличению эффективности «мягкой силы» по этим направлениям может дать Китаю дополнительные рычаги «мягкосилового» воздействия, в том числе в мировом масштабе.

Место Китая в глобальных рейтингах «мягкой силы»: сравнительный анализ

Приведем данные о месте «мягкой силы» Китая в рейтингах «Глобальный индекс мягкой силы» консалтинговой компании *Brand Finance* и «Рейтинге мягкого присутствия» (*Soft Presence Rating*) Королевского института Элькано (Испания). Методики выбранных нами рейтингов позволяют получить комплексную системную оценку «мягкой силы» государства на основе сочетания как статистических, так и социологических аналитических инструментов.

Согласно данным рейтинга «Глобальный индекс мягкой силы», КНР, добившись существенного улучшения общего показателя «мяг-

кой силы» в 2024 г. (+6,2 балла), продолжает планомерно укреплять свои позиции. По итогам замера Китай поднялся на 3-е место, опередив Германию и Республику Корея. Китайская «мягкая сила» стала доминирующей среди государств Азиатско-Тихоокеанского региона. Заметный прогресс почти по всем направлениям отражает растущее глобальное влияние Китая (рис. 2). От Великобритании, занимающей 2-е место, Китай отделяет 0,6 балла. В случае сохранения подобной положительной динамики в дальнейшем китайская «мягкая сила» может еще больше укрепить свои позиции и приблизиться к США. При этом в «Рейтинге мягкого присутствия» КНР занимает вторую позицию, также пропуская вперед США, но опережая Великобританию (табл. 4).

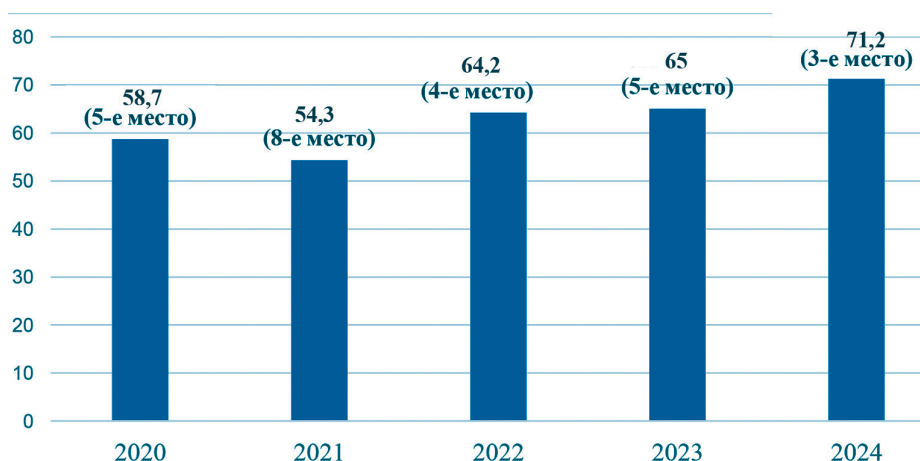

Рис. 2. Динамика показателей Китая в рейтинге Global Soft Power Index в баллах в 2020–2024 гг.

Источник: составлено А.А. Гребенюком по данным: Jagodzinski K. Global Soft Power Index 2024 — A World in Flux // Brand Finance. February 29, 2024. URL: <https://brandfinance.com/insights/global-soft-power-index-2024-a-world-in-flux> (accessed: 12.03.2024).

Таблица 4. Топ-10 стран мира по данным рейтингов *Global Soft Power Index* и *Soft Presence Rating* в 2024 г.

Место	Global Soft Power Index	Soft Presence Rating
1	США	США
2	Великобритания	КНР
3	КНР	Великобритания
4	Япония	Германия
5	Германия	Япония
6	Франция	Франция
7	Канада	Индия
8	Швейцария	Канада
9	Италия	Италия
10	Объединенные Арабские Эмираты	Турция

Источник: составлено А.А. Гребенюком по данным: Jagodzinski K. Global Soft Power Index 2024 — A World in Flux // Brand Finance. February 29, 2024. URL: <https://brandfinance.com/insights/global-soft-power-index-2024-a-world-in-flux> (accessed: 12.03.2024); 2024 Ranking // Real Instituto Elcano. URL: <https://www.globalpresence.realinstitutoelcano.org/en?years=2024> (accessed: 13.10.2025).

Наибольший вклад в прогресс Китая вносят такие ключевые компоненты «мягкой силы», как «сфера бизнеса и торговли» (3-е место) и «сфера образования и науки» (3-е место). Эти компоненты являются основными драйверами, определяющими рост показателей КНР.

Вместе с тем данные агентства *Brand Finance* свидетельствуют о непропорционально низких значениях в оценке Китая такого индикатора индекса, как «Люди и ценности» (*People and Values*). По таким его показателям, как «дружелюбный» (*Friendly*) и «веселый» (*Fun*), Китай занимает 122-е место в обеих категориях. С одной стороны, этот факт еще раз подтверждает ограничения культурно-идеологического основания китайской «мягкой силы», о чем мы писали выше, а с другой — отчетливо свидетельствует о точках потенциального роста при правильной корректировке китайскими властями информационного позиционирования в глобальном пространстве.

Заключение

Результаты исследования показывают наличие сформированного положительного образа Китая в сознании российской молодежи. КНР рассматривается респондентами как один из глобальных полюсов, определяющих векторы мировой политики, и как лидер технологического развития, имеющий развитые науку и образование. По мнению российских студентов, данные компоненты опираются на эффективную систему государственного управления.

Однако важно подчеркнуть, что в рамках анализа формирования образа Китая у российской молодежи достаточно сложно дифференцировать влияние непосредственно китайской «мягкой силы» от воздействия внутренней информационной повестки российских СМИ, которые достаточно широко освещают развитие КНР, российско-китайское политическое и экономическое сотрудничество. Вместе с тем российские медиа

в большинстве случаев опираются на те же паттерны и концепты, которые характерны для «мягкой силы» Китая (ее экономические, геополитические и технологические компоненты), являясь дополнительными каналами распространения положительной информации о КНР. В этой связи полученные в ходе проведенного социологического замера выводы о тенденциях роста влияния «мягкой силы» Китая являются обоснованными.

«Мягкая сила» Китая формирует в большей степени положительное представление о стране и ее имидж, но не конструирует образ будущего, образ желаемого завтра. Российская молодежь не стремится жить в Китае или жить «как в Китае». Об этом свидетельствует несформированность миграционных установок на переезд в Китай и отсутствие желания, чтобы там жили дети респондентов. Данный факт отличает влияние китайской «мягкой силы» от, например, американской. Также важно отметить, что респонденты из Дальневосточного и Сибирского федеральных округов РФ ввиду географической близости чаще выделяют Китай как влиятельного игрока в глобальных политических процессах, однако по остальным параметрам их ответы незначительно отличаются от ответов респондентов из других федеральных округов.

Слабой частью ресурсной базы «мягкой силы» Китая является ее социокультурный компонент. Наличие в мировом информационном пространстве успешных музыкальных и кинематографических продуктов еще более усилило бы потенциал и эффективность «мягкой силы» КНР. Образцы традиционной китайской культуры также не являются универсальными в глобальном масштабе. Помимо этого достаточно развитый в Китае спорт высших достижений практически не продуцирует медийных звезд мирового уровня, подобных российским знаменитым спортсменам, таким как Александр Овечкин, Мария Шарапова или Хабиб Нурмагомедов.

Данные трех волн эмпирического исследования (2021, 2022, 2023 гг.) свидетельствуют о четкой тенденции роста воздействия «мягкой силы» Китайской Народной Респу-

блики на российскую молодежь, несмотря на целый ряд ограничивающих факторов (прежде всего, в сфере культурной политики), в которых вместе с тем заложен потенциал усиления китайского влияния на эту референтную группу.

Поступила в редакцию / Received: 03.04.2025

Доработана после рецензирования / Revised: 24.10.2025

Принята к публикации / Accepted: 27.03.2026

Список литературы

- Борзова А. Ю., Николашвили Н. Д. «Марка Испания»: разработка государственной политики Испании по реализации «мягкой силы» // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. 2020. № 2. С. 77–93. EDN: KAHLSР
- Борзова А. Ю., Николашвили Н. Д. Сравнительный анализ испанской и португальской модели «мягкой силы» // Современная Европа. 2021. № 3. С. 38–49. <https://doi.org/10.15211/soveurope320213849>; EDN: EANCNS
- Гребенюк А. А. Социальная технология «мягкая сила»: концепт, практика измерения и оценка эффективности. Москва : Нестор-История, 2022. EDN: BUOYMF
- Денисов И. Е., Зуенко И. Ю. От мягкой силы к дискурсивной силе: новые идеологемы внешней политики КНР. Москва : МГИМО МИД России, 2022. EDN: FOPVCB
- Зуенко И. Ю., Кулинцев Ю. В., Мукамбаев А. А., Рахимов К. К. Антикитайские протесты на постсоветском пространстве // Россия в глобальной политике. 2020. Т. 18, № 6. С. 174–186. EDN: SVQMBC
- Катасонова Е. Л. Япония и проблемы «мягкой силы» // Труды Института востоковедения РАН. 2017. № 3. С. 56–70. EDN: XSHZHN
- Лексютин Я. В., Ю Ю. Концепт международной дискурсивной силы в идеологии внешней политики Китая // Российско-китайские исследования. 2023. Т. 7, № 4. С. 367–380. [https://doi.org/10.17150/2587-7445.2023.7\(4\).367-380](https://doi.org/10.17150/2587-7445.2023.7(4).367-380); EDN: PFSLWE
- Леонова О. Г. Мягкая сила — ресурс внешней политики государства // Обозреватель. 2013. № 4. С. 27–40. EDN: PXVNNT
- Паришин П. Б. Проблематика «мягкой силы» во внешней политике России. Москва : МГИМО МИД России, 2013. EDN: DWKIFL
- Русакова О. Ф. Концепт «мягкой» силы (soft power) в современной политической философии // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2010. № 10. С. 173–192. EDN: NRVJNB
- Соболева Е. Д., Кривохиж С. В. Китайский стратегический нарратив о международной системе и его адаптация для разных иностранных аудиторий // Мировая экономика и международные отношения. 2024. Т. 68, № 6. С. 119–128. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2024-68-6-119-128>; EDN: FDBYSF
- Филимонов Г. Ю. Актуальные вопросы формирования российского потенциала «мягкой силы» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2012. № 1. С. 67–82. EDN: OOBTRJ
- Харитонов Е. М. «Мягкая сила» в политике Великобритании: борьба за целевые аудитории // Пути к миру и безопасности. 2017. № 2. С. 28–36. <https://doi.org/10.20542/2307-1494-2017-2-28-36>; EDN: YLWYCM
- Benhaim Y., Öktem K. The Rise and Fall of Turkey's Soft Power Discourse: Discourse in Foreign Policy under Davutoğlu and Erdoğan // European Journal of Turkish Studies. 2015. No. 21. P. 2–22. <https://doi.org/10.4000/ejts.5275>
- Gomelaury A. S. French “Soft Power” in the Context of the Pandemic: Limiting Traditional Ways of Influence // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2021. Т. 12, № 3. С. 115–121. <https://doi.org/10.31862/2500-2988-2021-12-3-114-121>; EDN: PNNNH
- Huang R., Wang H. How Is the Development of Industrial Digital-Real Integration Progressing?—Evidence from China's Cultural Industries // Humanities and Social Sciences Communications. 2025. Vol. 12, iss. 1. P. 1–12. <https://doi.org/10.1057/s41599-025-04743-w>; EDN: KAE0IH
- Li C. X., Han P. G. Guo ji hua yu quan de san chong wei du he ji ben gou cheng [Три измерения и основные компоненты международной дискурсивной силы] // Xue Xi Yu Tan Suo [Изучение и исследование]. 2019. No. 5. P. 14–18. (На китайском языке).
- Lukes S. Power : A Radical View. London : Macmillan Press, 1974.
- Matosian A. E. The Key Components of South Korea's Soft Power: Challenges and Trends // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2021. Т. 23, № 2. С. 279–286. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2021-23-2-279-286>; EDN: ANCXZM

- Nye J.S., Jr. Soft Power and American Foreign Policy // *Political Science Quarterly*. 2004a. Vol. 119, iss. 2. P. 255–270. <https://doi.org/10.2307/20202345>
- Nye J.S., Jr. *Soft Power : The Means to Success in World Politics*. New York : Public Affairs, 2004b.
- Nye J.S., Jr. *The Paradox of American Power : Why the World's Only Superpower Can't Go It Alone*. New York : Oxford University Press, 2002.
- Ruan J. P. Hua yu quan yu guo ji zhi xu de jian gou [Дискурсивная сила и построение международного порядка] // *Xian dai guo ji guan xi* [Современные международные отношения]. 2003. No. 5. P. 31–38. (На китайском языке).
- Xu X., Tian X. Quan qiu zhi li shi dai xiao guo gou jian guo ji hua yu quan de luo ji — yi tai ping yang dao guo wei li [Логика малых государств в конструировании международной дискурсивной силы в эпоху глобального управления — на примере островных государств Тихого океана] // *Dang Dai Ya tai* [Современный Азиатско-Тихоокеанский регион]. 2019. No. 2. P. 95–125. (На китайском языке).
- Yan X. *Ancient Chinese Thought, Modern Chinese Power* / ed. by D. A. Bell, S. Zhe ; transl. by E. Ryden. Princeton : Princeton University Press, 2011.

Сведения об авторах:

Гребенюк Александр Александрович — доктор экономических наук, заместитель директора по научной работе, Высшая школа современных социальных наук (факультет), МГУ имени М. В. Ломоносова; Российская Федерация, 119991, ГСП-1, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 13; eLibrary SPIN-код: 4007-9651; ORCID: 0000-0001-9003-4551; e-mail: gaa-mma@mail.ru

Кумуков Альберт Мусабиевич — кандидат исторических наук, проректор по международному сотрудничеству, Северо-Кавказский федеральный университет; Российская Федерация, 355017, г. Ставрополь, ул. Пушкина, д. 1; eLibrary SPIN-код: 5924-2798; ORCID: 0009-0009-9715-8843; e-mail: almkumukov@ncfu.ru